

Глава 27. Готовность биться до конца

Тонкое шелковое одеяло, сбитое в бесформенный ком, прижимал к себе статный юноша. Во сне он ворочался, то и дело отпихивая расшитую просыную подушку, и теперь лежал на кровати наискосок. Полы его одежд задрались, обнажая полоску белоснежной кожи на талии — крепкой и гибкой, точно сталь, обернутая в тончайший шелк. В этих плавных линиях угадывалась скрытая мощь. Должно быть, ему снилось нечто приятное: на губах то и дело проскальзывала сонная, довольная усмешка.

Жун Цунцзинь сидел на краю резной кровати, подперев щеку рукой. Некоторое время он молча созерцал лицо спящего, залитое мягким золотом полуденного солнца, а затем медленно склонился и запечатлел невесомый поцелуй в уголке губ Гу Чжао. Свет и тени причудливо ложились на его изысканный профиль, выдавая невыразимую нежность и глубокую привязанность. Спустя мгновение он выпрямился как ни в чем не бывало и, взяв веер с золотым тиснением, принялся лениво нагонять прохладу на спящего князя.

За безупречным, точно ясный месяц, обликом Наследного принца скрывалась та же беспощадность, что текла в жилах всех правителей их рода. Жун Цунцзинь понимал: решившись на этот шаг, он наверняка привлек к себе внимание Наследного принца. В будущем... Наследный принц вполне может пожелать его смерти. Впрочем, теперь это уже не имело значения.

В памяти всплыли строки из когда-то прочитанной книги. Буддийская притча гласила: «Как сильно ты любишь ту девушку?» — спросили юношу. И тот ответил: «Я готов стать каменным мостом, готовым пятьсот лет сносить порывы ветра и пятьсот лет терпеть удары дождя, лишь бы она хоть раз прошла по мне, и я снова увидел её лицо».

Жун Цунцзиню было неважно, увидит ли он Гу Чжао снова. Он лишь желал стать для него этим самым мостом — подставить собственную спину, чтобы Гу Чжао смог невредимым миновать хаос этого беспокойного мира. Пусть он проживет долгую и безбедную жизнь под крылом Наследного принца, оставаясь праздным и богатым князем. Быть может, он даже женится снова — на ком-то не слишком ослепительной красоты, но доброй и кроткой, как принцесса-консорт Наследного принца, и проведет с ней остаток своих дней.

Глаза Жун Цунцзиня, чьи уголки были слегка приподняты, напоминали глубокое осеннее озеро, на дне которого мерцали отражения упавших звезд. В их влажном блеске, точно круги по воде, расходилась тихая, печальная нежность.

В такую жару полагалось бы велеть служанкам принести ручные веера, но Гу Чжао не любил, когда посторонние входили в их спальню. Его собственные служанки привыкли к тонкой работе и не годились для тяжелого труда, а человека, которому можно было бы доверить покой их покоев, Жун Цунцзинь еще не нашел. Он поправил край одежды мужа и продолжал обмахивать его еще добрых полчаса. Наконец юноша на кровати негромко промычал, потерся щекой о подушку и открыл глаза. Взгляд его, еще не до конца прояснившийся, был по-детски растерянным.

— Ваше Высочество проснулись? Поднимайтесь, посидите немного, — Жун Цунцинь отложил веер и с улыбкой помог Гу Чжао сесть.

— Почему ты не спишь? — голос Гу Чжао звучал хрипло. Он непонимающе смотрел на своего статного, ослепительно красивого супруга. Он помнил, что они ложились вместе.

— Мне не спалось, вот я и решил немного посидеть рядом, — мягко ответил Жун Цунцинь. Он взял с комода заранее приготовленную чашу с чаем «Изумрудные пики Цаншань» и подал мужу. Наблюдая, как тот мелкими глотками, точно котенок, лакает воду, он негромко добавил: — Ваше Высочество слишком небрежны к прохладе. Разве вы не знали, что во сне у вас совсем расхристалась одежда?

— Но ты ведь всегда меня укроешь, — отозвался Гу Чжао. Допив чай, он что-то вспомнил и обеспокоенно спросил: — Я тебя не лягнул случайно?

Спал он беспокойно. В первые дни после свадьбы, снедаемый робостью и страхом разочаровать свою божественную супругу, он спал вполуха, боясь лишний раз пошевелиться. Но по мере того как их отношения становились ближе, тревоги отступили. Возможность делить ложе с любимым человеком была для него счастьем, о котором он прежде и мечтать не смел.

Гу Чжао вдруг глупо хихикнул.

— Нет, — Жун Цунцинь с нескрываемым сочувствием посмотрел на него и, заставив подняться, принялся помогать с верхней одеждой. — О чем это вы подумали?

— О том, что ты — моя принцесса-консорт...

— Разумеется, — Жун Цунцинь затягивал его пояс, когда Гу Чжао накрыл его длинные пальцы своей ладонью.

— Через сто лет ты ляжешь в землю вместе со мной, — прошептал юноша. — И тогда мы будем вместе вечно.

Слова эти звучали странно и даже жутковато, но Гу Чжао произнес их с такой радостью и не по годам глубокой страстью, что Жун Цунцинь невольно вздрогнул.

— О чем это Ваше Высочество болтают?! — пальцы его на мгновение замерли. Он не удержался и слегка толкнул мужа в бок, укоризненно добавив: — Быстро идите на улицу и выплесните остатки чая!

По обычаям династии Цинь, выплеснутая вода или чай уносили с собой дурные предзнаменования и сглаз.

— Не пойду! — Гу Чжао вдруг заупрямился. Обычно он был послушен, но сейчас в нем проснулось небывалое упрямство. Перехватив чашу, в которой еще сохранилось тепло, он задрал голову и одним махом осушил её до дна.

— Эй! — Жун Цунцзинь не успел его остановить. Он лишь увидел, как капли воды скатились по плавной линии шеи Гу Чжао и исчезли под воротником, мгновенно намочив ткань.

С глухим стуком Гу Чжао поставил чашу на стол и заложил руки за спину, всем своим видом показывая: «Теперь ты со мной ничего не поделаешь».

— Я во всем тебя слушаюсь, но в этом вопросе — не стану, — он погрозил супруге пальцем и, прищурившись, добавил: — В день свадьбы ты обещала идти со мной рука об руку всю жизнь. Не смей брать свои слова назад.

Жун Цунцзинь на мгновение прикрыл глаза. Схватив Гу Чжао за ворот, он с силой прильнул к его губам. Тонкий, едва уловимый аромат чая смешался с изысканным запахом сливы, рождая причудливый, почти нереальный вкус — вкус озерного берега в туманной дымке. Словно легкий ветерок пронесся над водой, всколыхнув зеркальную гладь весеннего пруда.

— Пока Ваше Высочество будут помнить обо мне хоть немного, я никогда вас не покину, — прошептал Жун Цунцзинь, когда поцелуй закончился. Его губы едва касались щеки Гу Чжао. Каким бы опасным ни был путь впереди, он готов был рискнуть всем.

К обеду подали больше десятка блюд. Гу Чжао первым делом налил супруге чашу супа и положил в её тарелку с узором из голубых лотосов два самых лакомых кусочка мяса. Только после этого он принялся за еду сам. Госпожа маркиза Динъюань прислала человека за Фу Тун, и та уехала в поместье, так что прислуживать осталась одна Би Тао. Впрочем, её помощь не требовалась — она лишь стояла у приоткрытого резного окна, наблюдая за трапезой.

Каждое блюдо было приготовлено с величайшим искусством. Порции были небольшими, но разнообразными — повара старались угодить вкусу князя. Половину стола занимали блюда, которые Гу Чжао уже хвалил, остальное было новинками. Попробовав один кусочек, Гу Чжао просиял:

— А эта гусиная грудка «Румяна» весьма недурна!

Он тут же положил два ломтика Жун Цунцзиню прямо поверх белоснежного риса «Яшмовый стебель». Жир от мяса мгновенно пропитал рис, оставив на нем густые темно-коричневые следы.

— Ой, — Гу Чжао спохватился. Он потянулся общими палочками, чтобы забрать мясо. Жун

Цунцзинь был весьма чистоплотен, а он, увлекшись, забыл сменить палочки, которыми ел сам.

— Ничего страшного, — Жун Цунцзинь прижал свои палочки из красного дерева к его руке. Он подхватил кусочек гусятины и неспешно, смакуя каждый миг, съел его.

Глядя на неё, Гу Чжао не выдержал и рассмеялся. Подперев щеку рукой, он забыл о еде, любуясь своей принцессой-консорт. В душе его пела гордость: его вкус не подвел, он выбрал лучшего супруга в мире. Во всем Ванцзине, да что там — во всей империи Цинь не найти никого прекраснее его Цунцзинь.

— О чем это Ваше Высочество так весело смеются? — Жун Цунцзинь повернул голову, одарив его мягким взглядом.

— Суп... суп очень вкусный, — пробормотал Гу Чжао. Почувствовав на себе её нежный взгляд, он вспыхнул до корней волос. Поспешно уткнувшись в чашу, он принялся пить суп прямо через край, не смея поднять глаз.

Би Тао, едва сдерживая смех, отвернулась к окну. Плечи её мелко подрагивали от беззвучного хохота.

— В таком случае, пейте побольше, — Жун Цунцзинь негромко рассмеялся. Он не стал разоблачать его смущение, лишь заботливо положил фарфоровую ложку ему под руку.

После обеда они отправились на прогулку по саду — искать сверчков. Солнце палило нещадно, и насекомые попрятались, но Гу Чжао, будучи мастером в этом деле, вовсе не за сверчками охотился. Незаметно для себя он переплел свои пальцы с пальцами супруги. Его лицо покраснело от жары и волнения, но на сердце было невыразимо сладко.

Он обожал ночную близость, когда они шептались, прижавшись друг к другу, но не меньше любил и эти тихие часы в павильоне посреди озера, где Жун Цунцзинь читал книгу, а он мог просто сидеть рядом и смотреть на него. Даже простое прикосновение рук заставляло его сердце трепетать. Для него в этих проявлениях нежности не было различий — пока он был рядом, он был счастлив.

— Ваше Высочество, мне нужно уехать, — внезапно произнес Жун Цунцзинь. Они сидели на скамье под густыми зарослями глицинии, и он позволял Гу Чжао играть со своими пальцами.

— В поместье маркиза? Я поеду с тобой, — отозвался Гу Чжао. Госпожа маркиза относилась к нему как к родному сыну, и в её доме он чувствовал себя своим.

— Нет. Мне нужно уехать далеко, — Жун Цунцзинь покачал головой.

— Куда? И надолго ли? — Гу Чжао встревожился. Пальцы его невольно сжались на руке

супруги.

— За несколько сотен ли отсюда. Если повезет — на месяц, если нет... — Жун Цунцзинь поморщился от боли, но не отстранился. Помолчав, он мягко добавил: — Я постараюсь вернуться как можно скорее.

— Не пущу! — отрезал Гу Чжао. — На дорогах сейчас неспокойно, ты не справишься.

Он помнил, как брат когда-то ездил с дозором в Лянчжоу. Вернувшись, тот уверял матушку, что всё прошло гладко, но Гу Чжао случайно увидел на его груди длинный, еще свежий шрам, тянувшийся от плеча до самого сердца. Брат был Наследным принцем! В глазах Гу Чжао он был непобедим. И если даже он пострадал, то что станет с его утонченным, нежным супругом, который кажется созданным лишь для того, чтобы украшать этот мир?

— Я и сам не хочу уезжать, но мы не можем думать только о сегодняшнем дне. Нужно позаботиться о будущем, — Жун Цунцзинь не знал, поймет ли его муж, но всё же попытался объяснить. Прислонившись головой к плечу Гу Чжао, он прикрыл глаза. — Со мной будет много стражи. Я улажу дела и вернусь. Пока меня не будет, по любому вопросу иди к матушке-императрице или в поместье маркиза к моей матери. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как я вернусь.

— Неправда, — буркнул Гу Чжао. — Когда ты уезжаешь?

— Завтра, — прошептал Жун Цунцзинь. Наводнение в Ичжоу уносило тысячи жизней каждый день. Промедление еще на полмесяца сделало бы ситуацию безнадежной даже для самого покойного Императора-основателя. И он, и Наследный принц были людьми решительными; едва уговор был достигнут, принц начал действовать.

— Так скоро... — голос Гу Чжао упал. Он медленно разжал пальцы. Он привык, что его оставляют. Брат, матушка — все они уходили, твердя, что так нужно, и прося его войти в положение. Теперь и супруг оставляет его?

Жун Цунцзинь перехватил его руку и, заглянув в глаза, твердо произнес:

— Вы — мой муж. Я никогда вас не обману.

Он снял со своего запястья золотой браслет и вложил его в ладонь Гу Чжао.

— Сохрани его у себя. Когда я вернусь, ты сам наденешь его мне на руку, хорошо?

Гу Чжао завороченно смотрел на изящное украшение — браслет «Золотые нити гибискуса», украшенный двумя яркими рубинами. Жун Цунцзинь редко носил украшения. Когда Гу Чжао выбирал этот браслет, он показался ему слишком броским, не совсем подходящим к холодному

и чистому облику супруга. Он видел, что невестка и жена князя Цзиня предпочитают нефрит или изумруды. Но Жун Цунцзинь ни разу не пожаловался и не снимал его — даже в день свадьбы под рукавами подвенечного платья мелькал золотой блеск этих цветов.

— Хорошо, — Гу Чжао вдруг почувствовал прилив уверенности. Он крепко сжал браслет, а затем осторожно спрятал его в рукав. — Ты только обязательно вернись.

— Обещаю, — Жун Цунцзинь улыбнулся.

На крышу галереи, прямо на толстую ветвь глицинии, опустились два золотых орла. Самец, как обычно, хранил невозмутимый вид, подремывая вполоборота. Если бы не тот день, когда он, рискуя сломать крыло, бросился спасать подругу, его можно было бы считать совершенно бесчувственным. Самка нежно потерлась о него клювом, издав тихий, мелодичный клекот, и сквозь густую листву принялась разглядывать прижавшихся друг к другу людей.

Этих птиц больше не держали на привязи. Гу Чжао сказал, что они вольны лететь куда захотят — хоть обратно в степи Мобэй. Но орлы неизменно возвращались в поместье князя, а самка иногда не брезговала олениной, которую оставляла для неё Фу Тун.

Жун Цунцзинь до позднего вечера отдавал распоряжения по дому. Зажигая дворцовые фонари, он оставил подле себя Би Тао.

— Когда я уеду, следи за воротами. Князь не любит выходить в свет, так что постарайся, чтобы он поменьше покидал поместье.

— Слушаюсь, — ответила Би Тао, но в голосе её звучала тревога. — Господин, позвольте мне поехать с вами. Ичжоу в тысяче ли отсюда, я... я места себе не найду от беспокойства.

— Я доверяю только тебе и Фу Тун. Если ты присмотришь за князем, у меня не будет повода для тревог, — лицо Жун Цунцзиня, освещенное колеблющимся пламенем свечи, казалось непроницаемым. — Путь впереди неясен. Если... если со мной что-то случится, Би Тао...

Он повернулся к служанке и пристально посмотрел ей в глаза:

— Ты останешься в поместье. Я вверяю князя твоим заботам.

Сердце Би Тао пропустило удар.

— Господин, вы же говорили, что в Ичжоу всё не так плохо! — почему же он говорит о таких вещах?

— Чэньсян... не пускай её во внутренний двор. Присматривай за ней, — не отвечая на вопрос,

распорядился Жун Цунцзинь.

— Слушаюсь.

У Би Тао было множество вопросов, но она не посмела их задать. Лишь низко поклонилась, принимая волю господина.

Кавалькада неслась по тракту, поднимая столбы мелкой пыли. Впереди скакали гвардейцы, за ними следовала карета, а замыкал шествие отряд конницы. Кони летели стрелой, их гривы развевались на ветру, а мощные мускулы, покрытые испариной, блестели на солнце. Карету нещадно трясло на ухабах.

Фу Тун казалось, что она сидит на спине брыкающегося жеребца. Она полулежала на подушках, безвольно покачиваясь в такт движению колес. На почтовых станциях меняли лошадей, но не людей. Путь лежал по казенному тракту, и, несмотря на тяжелую карету, они покрывали по сотне ли в день, не останавливаясь даже ночью. Первые два дня её тошнило, но теперь сил не осталось даже на это, зато разум прояснился.

На пятый день они были уже менее чем в сотне ли от границ Ичжоу.

— Господин, как только карета остановится, я заварю вам чаю, — проговорила Фу Тун, лежа на плотных расшитых матах.

Сейчас, на такой скорости, пить было невозможно — кипяток мгновенно расплескался бы по всему салону.

— Нужно было взять побольше чайных запасов, — добавила она.

— Это неважно, — отозвался Жун Цунцзинь, не открывая глаз.

— Господин, а где же обозы? Я что-то не вижу зерна для пострадавших, — Фу Тун немного пришла в себя и, приподнявшись, выглянула в окно.

— Командир Чжао отправился за зерном в Цзясин. По воде груз дойдет быстрее, чем на подводах, — Жун Цунцзинь на мгновение замолчал. — Нужно будет отправить людей ему навстречу.

Три главных житницы империи Цинь располагались в Юнчжоу, Цзяннани и Юнчжоу, обеспечивая северные, центральные и прибрежные земли. Зерно не нужно было везти из Ванцзина — достаточно было императорского указа, чтобы за считанные дни провизия пришла

в движение. Именно благодаря дальновидности Императора-основателя система снабжения в империи могла работать сама по себе, и даже небрежение делами со стороны Императора Цзяньюаня пока не привело страну к краху.

Дамбы на реке Цзючжоу были прорваны, и последний участок пути зерно придется везти по суше. Вдоль дорог — тысячи голодных беженцев. Если не встретит командира Чжао, груз может просто не дойти до города.

— Господин, дальше карета не пройдет, — к окну подъехал всадник в доспехах. Не имея возможности спешиться на ходу, он слегка наклонился к окну.

— Седлайте коней. Карету оставить, — распорядился Жун Цунцзинь. Он уже давно сменил свои пышные одежды на удобный дорожный костюм с узкими рукавами.

Слуги подвели двух скакунов. Жун Цунцзинь вскочил в седло уверенным, отточенным движением. До приезда в Ванцзин, в землях Дяньнань, в их семье воинов не было никого, кто не умел бы охотиться и держаться в седле. Люй Цзюйчжэн, с трудом взбирившийся на своего коня, лишь удивленно покосился на него. Чиновник еще больше исхудал — Император Цзяньюань, как бы ни был он недоволен, не мог оставить его в столице залечивать раны.

Но Люй Цзюйчжэн и сам не мог оставаться в стороне. Он завалил престол прошениями, требуя позволить ему вернуться в Ичжоу с новой комиссией. Люй Цзюйчжэн был человеком сложным — ему не нравились все и сразу. Пока они ехали в каретах, он лишь ворчал, но теперь, увидев, что присланный Восточным дворцом «ученый муж» держится в седле не хуже гвардейца, он призадумался.

Люй Цзюйчжэн был подавлен. По его мнению, на ликвидацию последствий должен был поехать Седьмой принц, но тот внезапно слез с «тяжелой лихорадкой». Чиновник надеялся, что пришлют Наследного принца — единственного из сыновей императора, способного справиться с таким бедствием. Какое дело до того, что император его недолюбливает? Благополучие империи важнее! Люй Цзюйчжэн даже собирался в конце года написать хвалебный доклад о добродетелях принца — а он никогда никого не хвалил.

Но Наследный принц внезапно подал прошение об отъезде в Цинчжоу на поиски некоего «Совершенного мужа Юйсюаня», который якобы владел секретом бессмертия. Император Цзяньюань, пребывая в восторге, осыпал принца золотом и велел немедленно отправляться в путь. А дела Ичжоу поручили командиру Цинь из Восточного дворца, секретарю Лю и какому-то «господину без чина».

За эти дни Люй Цзюйчжэн заметил странную вещь: из всей троицы главным был именно этот праздный господин. Чиновник едва не лишился чувств от возмущения. Люди Восточного дворца оказались ничуть не лучше ставленников Четвертого принца!

Люй Цзюйчжэн крепче сжал поводья, поклявшись себе: если эти столичные неженки окажутся бесполезными, он сам, даже ценой собственной жизни, наведет порядок в Ичжоу.

Кони неслись во весь опор. Без тяжелой кареты дело пошло быстрее, но вскоре дорога превратилась в вязкое месиво, и темп пришлось сбавить.

— Тпру! — передовой дозор вернулся с докладом. Цинь Чжэн осадил коня и с суровым видом подъехал к Жун Цунцзиню. — Господин, придется ехать в обход. Глубина воды впереди неясна. Если кони пострадают, мы не доберемся до города до темноты.

— Хорошо, — кивнул Жун Цунцзинь.

Они ехали на боевых конях, выращенных специально для армии. Ведущий отряд выбрал надежную тропу, и кавалькада быстро двинулась по возвышенности.

В низинах, куда ни кинь взгляд, на мутной поверхности воды покачивались раздутые трупы. В лучах кроваво-красного заката, среди обломков деревьев и мусора, их было пугающе много. Фу Тун бросила лишь один взгляд и в ужасе отвернулась. В изысканном Ванцзине они и представить не могли такого кошмара.

— Когда здесь еще был старый губернатор, люди из управы хотя бы собирали тела, — глухо произнес Люй Цзюйчжэн. — Теперь... видимо, некому. Или их стало слишком много.

Выжить в таком бедствии могли лишь крепкие мужчины. Старики, женщины и дети гибли первыми. А ведь если бы провизию привезли вовремя, многих можно было спасти.

Люй Цзюйчжэн взглянул на «господина». Тот оставался бесстрастным.

— Едем в город. Быстрее, — бросил Жун Цунцзинь командиру Циню.

Вода в городских кварталах стояла по пояс. Кони испуганно всхрапывали, пробираясь по затопленным улицам. Лишь когда они выехали к богатым усадьбам с каменными львами у ворот, стало чуть легче — здесь вода доходила лишь до колен.

Помощник губернатора Ичжоу, не ожидавший гостей, выбежал встречать их, на ходу пытаясь застегнуть пояс на круглом брюшке.

— Не знал о прибытии высоких посланников! Прошу простить, что не встретил как подобает!

Секретарь Лю, имевший самый высокий чин, ответил за всех:

— Здесь нет посланников. Мы — служащие Восточного дворца, прибывшие по указу для ликвидации последствий наводнения. Действуем от имени Его Величества.

— Да-да, конечно, — помощник губернатора, обливаясь потом, стоял в воде, выглядя крайне жалко.

Жун Цунцзинь скользнул взглядом по его дорогому поясу, украшенному нефритом, и мягко произнес:

— Мы в пути уже много дней. Проводите нас в место для отдыха.

— Слушаюсь! — чиновник едва ли был способен на другие слова. Он не рискнул вести их к управе или на постоянный двор — там всё было оцеплено толпами беженцев, которых никак не удавалось разогнать. Он решил отвести их в павильон «Среди сосен», где обычно останавливались чиновники, но и там их ждал сюрприз.

— Господин, я вспомнил! Здесь слишком сыро, боюсь, место непригодно для жилья. Пойдемте лучше в мою скромную обитель, — подбежал к нему советник, но было поздно. Помощник губернатора уже видел толпу беженцев впереди.

— Не нужно, — прервал его Жун Цунцзинь. — Дел много, остановимся здесь.

Беженцы тоже заметили их. Группа людей медленно двинулась навстречу всадникам.

— Ванцзин... правительство... — доносились неясные выкрики.

— Вам наплевать, подохнем мы или нет?! — внезапно взревел рослый парень в лохмотьях и бросился к лошадям.

Его крик стал сигналом. Толпа с гулом хлынула вперед.

— Псы казенные! — парень выхватил из воды обломок дерева с острым краем и замахнулся на помощника губернатора. Если бы этот боров не запрещал жителям окрестных деревень входить в город, его жена и дети были бы живы! Они замерзли насмерть в ту страшную ночь.

Помощник губернатора, несмотря на свою тучность, проявил недюжинную прыть. С коротким визгом он юркнул за спину Цинь Чжэна, командира гвардейцев.

Вжик! Клинки покинули ножны. Ряд сверкающей стали преградил путь толпе. Острия мечей коснулись груди тех, кто бежал впереди.

— Кто сделает шаг — умрет, — ледяным тоном произнес Жун Цунцзинь. — Подождите немного, и я дам вам ответ.

Он повернулся к помощнику губернатора:

— У них есть палатки? Жилье?

— Это... — замялся тот. — Есть.

— Что есть?! — в ярости выкрикнул старик, хватаясь за лезвие меча. — Господин Лю поставил нам навесы, но два дня назад их снесло потоком!

— Господин Лю... вы и его убили! — толпа, вспомнив о Лю Цюаньлине, снова взревела. Кто-то попытался прорваться сквозь строй стражи.

Лицо помощника губернатора то бледнело, то зеленело. Если бы стражники не разбежались из-за наводнения, разве допустил бы он этот сброд к высоким гостям?

Жун Цунцзинь кивнул и жестом пригласил чиновника следовать за ним. Солдаты оттеснили народ от павильона.

Внутри Жун Цунцзинь снял дорожный плащ. Фу Тун разлила чай. Вскоре собрались все чиновники Ичжоу, рангом ниже губернатора. Жун Цунцзинь обвел их взглядом и мягко спросил помощника губернатора:

— Вы служите здесь уже больше десяти лет. Дольше, чем казненный на днях господин Лю. Должно быть, вы прекрасно знаете положение дел в Ичжоу?

— В... в рамках моих обязанностей — знаю, — ответил тот, не поднимая головы.

— В таком случае, скажите: казна ежегодно выделяет средства на дамбы. Почему же наводнение в этот раз столь сокрушительно?

— Вода — это дар небес, разве подвластна она человеку? К тому же, река Цзючжоу имеет особое расположение. В «Книге Перемен» сказано: «Круговорот четырех времен года указывает восемь направлений; верхняя триграмма — Небо, нижняя — Земля, средняя — Человек». Горы и реки — часть великого строя. Мы лишь подправляем малое, но не в силах изменить волю стихии, — чиновник заговорил увереннее, чувствуя почву под ногами.

— Абсурд! — Люй Цзюйчжэн от возмущения затряс бородой, едва не запустив в него чашей.

Жун Цунцзинь медленно кивнул:

— Ваши слова не лишены смысла. Но позвольте спросить: как же тогда жить людям?

— В этом мире всё подчинено единству Инь и Ян. Так велели Небеса. Покорность приносит благо, сопротивление — беду. Такова их судьба, — помощник губернатора, видя поддержку Жун Цунцзиня, окончательно успокоился и даже позволил себе улыбку.

— Вы мастерски толкуете гексаграммы, мне до вас далеко, — Жун Цунцзинь улыбнулся и велел Фу Тун достать несколько медных монет. — Что ж, позвольте и мне предсказать вашу судьбу.

С этими словами он бросил монеты на стол.

— Звезды сулят беду, рок неумолим, — Жун Цунцзинь с сожалением поднял глаза. Взгляд его мгновенно стал холодным. — Казнить.

Цинь Чжэн уже стоял за спиной чиновника. Вспыхнула сталь, и меч тут же вернулся в ножны. Улыбка еще не сошла с лица помощника губернатора, а в глазах только начало зарождаться осознание, когда его голова покатила по полу. Кровь брызнула фонтаном, попав в чашу с чаем. Прозрачный настой мгновенно стал темно-красным.

— Мои познания в гадании скромны. Кто еще из господ желает узнать свою участь? — Жун Цунцзинь с улыбкой обвел взглядом притихших чиновников.

Те замерли, лишившись дара речи. Брызги крови остались на лицах некоторых из них. По комнате пополз ледяной ужас.

— Очень хорошо. Видимо, на сегодня желающих нет.

Он указал на голову:

— Вынесите её наружу. Насадите на шест, чтобы все видели.

В Ичжоу чиновники и богачи сплелись в один клубок. Губернатор, хоть и занимал высокий пост, не мог в одиночку противостоять местной знати, о чем и писал в докладах императору. Жаль только... что первым приехал Четвертый принц.

<http://bllate.org/book/13698/1586591>